

Чем создать? Но священник об этом ничего не говорил. Если бы руками, то тогда было бы понятно. Это как вылепить из глины какую-нибудь фигурку, чашку или миску, как это делал гончар на соседней улице.

Антон любил бегать к нему и смотреть на работу мастера. В отличие от других умельцев, он не отгонял ребятишек. Иногда, чтобы выбрать себе будущих подмастерьев, давал даже покрутить гончарный круг и сделать какой-нибудь предмет обихода. Как раз такая чашка с неровными краями, сделанная самим Антошкой, стояла на полочке возле печи в их семейном курене.

Непоседам на уроке было трудно. Надо же, почти битый час нужно было усидеть на месте. Сколько бы можно было переделать дел у себя на усадьбе! Пнуть гусака-щипака в отместку за его проделки, поиграть с дворовой собакой и угостить её чем-нибудь, прокатиться на строевом коне отца и сводить его на водопой. Там же, улучшить минутку и быстро искупаться в Донце. А если проголодался от неустанных трудов, то прошмыгни за печку, отрежь ломоть хлеба, посоли его крупной солью и отведай знатного, вкусного и такого любимого угощения. Правда можно получить подзатыльник от кого-либо из старших в семье с приговариванием:

- Не кусочничай! Не отрезай от лучшего края хлебешек. Такой всем нужен, а не только тебе!

Да сколько ещё можно чего на хуторской свободе поделывать! А так сиди себе на этом уроке и сиди!

Хороший предмет чистописание. В самом названии его суть. Но надо не только чисто писать, но и правильно, как велит название предмета, выговорить которое первоклашки пока не в состоянии — каллиграфия!

Сначала крючочки и палочки нужно было выводить на аспидной доске, а когда рука становилась твёрже и учитель убеждался, что подопечный выполнял задание, тогда в дело шёл карандаш и четвертушки серой бумаги. На них уже выводились те же крючочки палочки и только потом приходил черёд написания ручкой с настоящим металлическим пером.

От лишнего нажима оно царапало грубую бумагу, цепляло на ней ворсинки и нередко оставляло небольшие брызги и даже бесформенные кляксы. Особенно старательные ученики при написании букв высовывали кончик языка и водили им по губам, а тогда могла упасть капля слюны на тетрадный лист и оставить на нём чернильные разводы. Какое уж тут чистописание!

Чаще всего ученикам доставалось перо с привычным номером 86 или пушкинское, с профилем поэта и выдавленными цифрами 1799 — годом рождения поэта. Стихи же и сказки Пушкина Дормидонт читал ученикам уже с первых дней обучения.

Арифметика начиналась с устного счета. Пальцы только успевали сгибаться и разгибаться. Учитель давал задачки на простые и понятные домашние темы:

- Сколько всего курицы снесли яиц перед праздником, если серая два, рябая три, а красная четыре.

Тут же следовала шутка:

- Хорошая яичница получится!

Или такая задача:

- Из амбара для посева было взято пять мешков зерна, но пошёл дождь и два мешка было возвращено в амбар. Сколько в этот день было посеяно мешков зерна?

Три четверти часа длился урок и звучал очень ожидаемый школярами звонок. Это сторож Макар Рядичный ежеминутно поглядывая на ходики, висевшие в коридоре, старался дать звонок ни на минуту раньше, ни на минуту позже. Причём на перемены звонок давался короткий, а по окончании учёбы дедушка Рядок

- Не всем правда поможет, мозги питает усердие, а не плоды трудов старательных рук ваших, но будем надеяться на лучшее.

На нерадивых и лентяев отец Евлампий строго смотрел из под своих мохнатых бровей и прочитывал плохо понимаемую такой публикой проповедь о труде и усердии:

- Отрок, лень поселилась в душе твоей и только от тебя зависит сможешь ли ты её изгнать оттуда или же она победит тебя и принесёт неисчислимые страдания в жизни. Человек свою судьбу творит, а не она им играет.

Непослушных и непосед он выводил за ушко из-за парты и ставил в угол. Но только конечно не в тот, где была божница и не в тот, из которого была видна часть улицы, а в дальний, на который свой строгий взгляд с портрета направлял сам император Николай II.

Сначала казалось, что император осуждающим взглядом обжигал озорника или ленивца и он старался не смотреть на портрет, чтобы случайно не встретиться взглядом с помазанником Божьим. От исполненного наказания освобождал отец Евлампий и он же мог в дополнительную нагрузку дать учить псалмы и потом внимательно слушал, как ученик повторял их нараспев. Почти до всех доходил такой метод воздействия. Желающих стоять «под Николаем» становилось по мере обучения всё меньше и меньше.

На перемене в швечиковской школе Антон часто подходил к громадной карте Российской империи и водил по ней взглядом.

Какой то нерадивый ученик, там, где по его расчетам, должен быть хутор Швечиков, проковырял отверстие, а другой, чтобы скрыть это, вбил гвоздик с широкой латунной шляпкой жёлтоватого цвета, а над этим местом сделал надпись чернилами «х. Швечиков». Учитель сначала отругал выдумщиков, но потом не стал следы их шалостей убирать. Всё же так ученикам легче будет найти на большой карте свою малую родину.

Хоть и считалось, что учебный год длится три четверти календарного года, но на самом деле классы в церковно-приходской школе никогда полностью занятыми не были. Всегда оставались свободные места. Это родители под благовидным предлогом забирали своих детей на разные работы.

По осени из-за непогоды затягивалась молотьба и становились нужными даже неокрепшие руки семилеток. То пастуха в стаде надо было подменить, или на ярмарку надо готовиться, или огородину не успевали вовремя убрать.

По весне и вовсе разгар полевых

работ. Зерно сеяльщикам подносить, птиц от посевов отгонять, за скотиной на выпасах следить, за рабочими лошадьми присматривать. Да мало ли работ в хлеборобском казачьем хозяйстве!

Зимой вроде можно было поучиться вдоволь, так нет же, были семьи, где сначала в школу бежал один ребенок, а потом когда он возвращался, то отдавал свою обувь и тёплую одежду кому-то из младших и в школу стремглав бежали уже они. Вот так трудно доставались знания!

Не всем юным казачатам удавалось проучиться все четыре класса, их могли забрать и без свидетельства об окончании церковно-приходской школы и тогда про таких горько шутили «Три класса, а четвёртый коридор».

Учитель Дормидонт Стихеевич выписывал газету «Донские областные ведомости» и после уроков, для развлечения, заходил в хуторское правление забрать свой экземпляр и заодно узнать все хуторские новости. Когда он шёл по хутору, то его останавливали и обязательно спрашивали как учится тот, или иной ученик. Учитель никогда и ни о ком плохого не говорил. Знал же, что к нерадивым ученикам, услышав дурные вести, обязательно применяет самое действенное воспитательное средство в виде широкого отцовского ремня, висевшего рядом со столом, за которым готовились домашние задания. Очень хорошее напоминание!

Жалко ему было и тех подопечных, которые никак не понимали его подробных разъяснений и смотрели на него в бессилии, чуть не плача, но всё пытались понять то, что ими порой так и оказывалось непонятым до самого окончания школы.

Казачи тогда говорили учителю про таких неуспевающих:

- Вы сильно не усердствуйте, господин учитель! Читать, писать кое как научится. Деньги, главное, сможет различить и пересчитать и уже дело. Видно уж такая наша судьба в вековой тьме оставаться.

Про девочек вообще рассуждали ещё проще:

- На что учить девку? Учить мальчика — дело другое. Ему нужно идти на службу. Всё-таки лучше если казак грамотный. Грамотным и начальники больше доверяют. Да и письмо сам напишет, никого просить не будет. Девка лишь бы знала обед сварить, хлеб испечь, да другую работу, как в поле, так и в доме.

Еда, вода, простая одежда и обувь, тепло и свет и этого было достаточно для того образа жизни, который вело большинство хуторян. Уже всё это, вместе взятое, было величайшим и ценным богатством, особо радующим всех Божьим даром. Если же к этому можно было добавить образование и настоящее, без предположений, книжное знание, то тогда такой человек представлялся ярко светящейся кометой в беспросветной тьме хуторской жизни. Но такие с небосклона срывались редко.

Сергей Сполох,
член Союза писателей России

Примечание: 1. Все иллюстрации, использованные в настоящей статье, взяты из архива автора и общедоступных источников.

Грифельная аспидная доска для школьника.

Старинный школьный звонок.

трепал колокольчик так, что его звуки доносились до самых дальних куреней в хуторе. В его же обязанности входило пройти по классам и погасить лампадки до следующего учебного дня.

Школьников в хуторе любили. На большой перемене казаки могли принести целую корзину мытых красных яблок или моркови. Отцу Евлампию при этом они говорили:

- Это для мозгов ученикам, для пользы. Благословите плоды трудов наших, батюшка!

Евлампий степенно отвечал: